

Часть или целое

Любую деталь, взятую в умозрительной проекции, Сталин готов объявить целокупным феноменом, любую целостность — частной и незначительной подробностью целого. В апреле 1928, к примеру, он следующим образом оспаривал критику Бухарина, встревоженного террористической практикой хлебозаготовок: «Поступать так, значит закрывать глаза на главное, выдвигая на первый план *частное* и случайное».

Выразительный пример лексической джигитовки — история с термином «диктатура партии», которым охотно оперировал достаточно откровенный Ленин, так что выражение, естественно, закрепилось в официальных партийных резолюциях, хотя оно драматически расходилось с марксовым пониманием «диктатуры пролетариата». Сталину, с его ориентальным лицемерием, ленинский термин не пришелся по вкусу, и он стал опровергать его затейливыми ссылками на самого автора, который будто бы «не считал формулу «диктатура партии» безупречной, точной, ввиду чего оно употребляется в трудах Ленина крайне редко и берется иногда в кавычки». Протестуя против ее отождествления с «диктатурой пролетариата», Сталин поучает:

«Но это же чепуха, товарищи. Если это верно, то тогда не прав Ленин, учивший нас, что Советы *осуществляют* диктатуру, а партия *руководит* Советами». Ср. в другом месте сходную мысль насчет правления политбюро: «Я вовсе не хочу сказать, что партия наша тождественна с государством. *Нисколько*. Партия есть руководящая сила в нашем государстве. Глупо было бы говорить на этом основании, как говорят некоторые товарищи, что Политбюро есть высший орган в государстве. Это неверно. Эта путаница, льющая воду на мельницу наших врагов. Политбюро есть высший орган не государства, а партии [что, кстати, неправильно: по уставу, «высший орган» партии — ее съезд. — *М. В.*], партия же есть высшая руководящая форма государства».

Казалось бы, раз в стране установлена «диктатура пролетариата», которой, в свою очередь, «руководит партия», то отсюда непреложно следует, что руководство диктатурой и есть сама диктатура в ее высшей инстанции, — но Сталину совсем ни к чему пересуды о том, что именно он, как генсек партии теперь практически правит государством (в те годы уже популярна острота оппозиционеров насчет «диктатуры секретариата»). Везде и всюду срабатывает двойная формула: «Нельзя противопоставлять... Нельзя отождествлять». Ср. в его выпаде против Зиновьева: «Что значит отождествлять диктатуру партии с диктатурой пролетариата? Это значит ... *ставит знак равенства между целым и частью этого целого*, что

абсурдно и ни с чем несообразно». В таких случаях целое и его часть расслаиваются уже поэтапно:

«Между партией и классом стоит целый ряд массовых беспартийных организаций пролетариата, а за этими организациями стоит вся масса пролетариата».

На сей раз задача — ввести посредующие звенья, чтобы удлинить дистанцию и забормотать, загроздить, заслонить главенствующее место партаппарата в системе власти. Однако я предложил бы читателю обратить внимание на совсем другой аспект этой сталинской аргументации. Речь идет о хитроумной манере прикровенно, вскользь менять пропорции и местоположение объекта, то вводя его в однородную группу, то выделяя (или, вернее, выталкивая) объект из нее. В данном случае соответствующее скольжение смыслов отражено в двойственном статусе всех составных элементов приведенного ряда.

Дабы разобраться в только что процитированной фразе о партии и классе, вспомним, что согласно официальной догматике, партия есть непосредственная — хотя и ведущая — *часть* рабочего класса. А раз так, то между ней и «классом» в целом нет и не может быть никакого буфера, представленного Сталиным в виде «массовых беспартийных организаций пролетариата» — т. е. профсоюзов и пр., — коль скоро последние это просто другая (только подчиненная партии) часть все того же пролетариата. Наконец, ряд замыкается «всею массой пролетариата», анонимно стоящей «за» своими же собственными организациями (а не состоящей в них?). Тождественна ли эта «вся масса» богоносному пролетариату в целом или она тоже остается всего лишь его частью, хотя и самой обширной (которую, если понадобится, можно будет трактовать как несознательный слой класса, нуждающийся в просвещении и строгой опеке)? Все обтекаемо, все двоятся — незыблема только иллюзия непреклонной твердости и ясности определений.

Подобную фрагментацию Сталин использует повсеместно — допустим, в установочной брошюре «К вопросам ленинизма»:

«Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением. Тут мы имеем дело, как видите, с целым рядом переходов и промежуточных ступеней <...> Между указаниями партии и их претворением в жизнь лежит, следовательно, воля и действия руководимых, воля и действия класса»; «Партия есть ядро власти. Но она не есть и не может быть отождествлена с государственной властью».

Перечисленные «плюсы» на деле суть «минусы» — технические минусы любой диктатуры. С таким же основанием можно было бы отрицать наличие диктатуры, например, в армии, поскольку приказы верховного командования тоже проходят «целый ряд промежуточных ступеней», а их выполнение зависит от «воли и действий» исполнителей. Между тем еще в 1923 году, — примерно тогда же, когда он сравнил ВКП с орденом меченосцев, — Сталин на XII съезде открыто назвал рабочий класс «армией партии» (это определение встречается у него и гораздо раньше). Словом, в любом случае наличествует именно диктатура партии — и над пролетариатом, и над государством, вернее, диктатура ее «руководящих органов». По отношению к ним Сталин контрастно меняет логическую тактику: опустив все промежуточные звенья, он напрямую отождествляет руководящую «часть» («ядро») партии с ней самой: «Нельзя отделять ЦК от партии. Нельзя»; «Партия исходит из того, что партийный аппарат и партийные массы составляют *единое целое*, что партийный аппарат <...> *олицетворяет* собой руководящий элемент *партии в целом*, что партийный аппарат вмещает в себя лучших людей пролетариата». — Короче, тут нет никаких зазоров и промежуточных ступеней, как это было, когда он говорил о принципиальной нетождественности пролетариата и партии.

Сама же Партия непременно — и значительно чаще, чем у прочих авторов, — тяготеет к олицетворению, подчеркивающему ее сакральную внутреннюю целос-

тность («партия говорит... партия указывает... партия считает... партия понимает...»). В январе 1924, накануне смерти Ленина, Сталин возглашает, что «партия должна быть единым, самостоятельным организмом с единой волей». Такова, впрочем, общая тенденция с начала 20-х гг., но Сталин бесспорно лидирует в ее разработке и проведении.